

С.Ю.Малышева
Доктор исторических наук,
Профессор Казанского (Приволжского)
федерального университета, РФ

**«Охота к перемене мест»:
российский городской досуг второй половины XIX - начала XX вв.
как выход на фронтир***

Пространство российского города второй половины XIX - начала XX в. отличала иерархичность и сегрегированность. Она обуславливалась не только оппозицией мира городских слобод, рабочих предместий и районов - и элитарного городского центра (Minimal City и Monumental City, по меткому определению Т. Колтона¹). Иерархичность была свойственна самой внутренней структуре публичных и частных пространств как Minimal City, так и Monumental City.

Сегрегированность и иерархичность городского пространства, однако, не означала замкнутость отдельных его частей. По самым разным причинам и поводам горожане преодолевали границы «своего» пространства, вступая на «чужую» территорию и одновременно вступая в разного рода отношения с ее обитателями. Эта неизбежность конфликта/диалога сама по себе рождала феномен человека, ежедневно живущего «на фронтире». Одной из наиболее растространенных ситуаций, когда горожанин вступал на это «пограничье», была ситуация досуга. Ведь сфера досуга была обширным пространством интенсивной коммуникации и формирования идентичностей, поскольку охватывала практически все население города, его разные слои и группы.

---

*Исследование выполнено при поддержке Министерства образования Российской Федерации, соглашение № 14.А18.21.0955 по теме «Мультикультурность российского региона как (де)стабилизирующий фактор исторического развития (Среднее Поволжье XIX – начала XXI вв.)».

¹ Colton T.J. Moscow. Governing the Socialist Metropolis. - Cambridge (Mass.); London: Cambridge University Press, 1995. - P. 251, 325, и др. Колтон подчеркивал, что эти противоречия были характерны для дореволюционных российских городов и были унаследованы советскими городами первых десятилетий.

Еще интересней представляется «досуг на фронтире» жителей большого и гетерогенного по составу населения города. Одним из таких заслуживающих внимания объектов исследования является губернская Казань. Само расположение Казани в центре многонационального региона на своеобразной «ментальной границе» между российскими «Западом» и «Востоком», «Европой» и «Азией» обусловило смешанную «географическую идентичность» города. Казань позиционировалась как последний западный или первый восточный город на Сибирском тракте. Население города, увеличившееся с середины XIX в. до конца первого десятилетия XX в. втрое (с 60 тыс. до 180 тыс. человек), было чрезвычайно пестрым как в социально-сословном, так и в национально-конфессиональном отношении. Большинство населения в конце XIX в. относилось к сословию крестьян (52,8 %) и мещан (30,8 %), дворянство составляло 8,8 %, духовенство - 1,9 %, купцы - 1,8 %, почетные граждане - 1,5 %. Добрая половина горожан-крестьян по своему сословию и происхождению, естественно, порождала ситуацию еще одного социально-культурного «пограничья» - между городом и деревней. Наконец, город являл собой поистине российский «Вавилон» по количеству и смешению языков, вер, национальностей. 71,1 % населения города составляли русские (большинство – православные), 21,9 % - татары (большинство – мусульмане), 1,2 % - поляки, 1 % - евреи, 0,8 % - немцы, в городе проживало не менее полутора десятков представителей других национальностей, каждая из которых составляла менее 0,5 % населения. Ситуация культурного пограничья рождала «странные сближенья»: так, среди русских казанцев были не только православные – около четырехсот русских казанцев относились к католикам, лютеранам, англиканам, иудеям, караимам; а среди татар – более трехсот были не мусульманами, а православными и единоверцами, католиками, караимами². Пестрое и многоязыкое, многоконфессиональное население губернского города, бывшей древней столицы Казанского ханства, живя на фронтире, веками

---

² Первая всеобщая перепись населения. - Т. 14. Казанская губерния. 1897 год.

копило опыт межкультурного взаимодействия и выстраивало отношения с соседями.

Казань, расположенная на слиянии рек Волги и Казанки, являла собой причудливое сочетание городских ландшафтов. Социально-сословный, национально-конфессиональный, профессиональный состав жителей различных городских частей определял их культурное своеобразие, в том числе специфику досуга отдельных районов города.

В административно-полицейском отношении Казань делилась на шесть частей. Высокая, гористая часть города с каменными домами классического стиля, широкими площадями и улицами, Кремлем, университетом, большим количеством православных церквей и монастырей, официальными учреждениями, была средой обитания преимущественно русской и русскоязычной городской элиты: дворянства, состоятельных горожан и интеллигенции. Эти городские кварталы располагались в 1-й и отчасти в 3-ей частях города. Плотность досугового пространства была здесь наиболее интенсивной.

Расположенную ниже «аристократической» части, преимущественно русскую, торгово-купеческую, мещанскую и ремесленную часть города отличали каменные и деревянные дома попроще, характерные торговые лабазы. В административно-полицейском отношении эти районы города относились ко 2-й городской части и к 4-ой. Причем, к последней принадлежала и Суконная слобода, населенная как рабочим, так и ремесленно-мастерским людом. Состав жителей этих районов был наиболее пестрым в социально-классовом отношении.

На противоположном берегу реки Казанки были расположены составлявшие 6-ую городскую часть рабочие слободы – Адмиралтейская, Ягодная, две Игумновы, и другие, чьи узкие, напоминавшие деревенские, улицы, небогатые жилища и мрачные заводские здания и бараки резко контрастировали с ландшафтом городского центра. Здесь инфраструктура досуга была слаборазвитой. Фактически, как и в селах, центром

общественно-культурной жизни оставались православные храмы, расположенные в этих слободах.

За озером Кабан и частично - за городской протокой Булак, отделявших русскую часть города от татарской, изумленному взгляду путешественника представлялся необычный мир Старо-Татарской и Ново-Татарской слобод с яркими красками деревянных и каменных домов, узорчатых мечетей, пестротой восточного базара, колоритно одетыми жителями. Татарские слободы официально составляли 5-ую городскую часть, но фактически охватывали и часть 2-ой. В отличие от русского общества, татарское общество Казани до начала XX в. практически не имело собственных общественных и досуговых зданий³ – за исключением зданий мечетей. Функции мечети не ограничивались религиозной, она выполняла роль информационного центра, места общения, «клуба»⁴.

Публичные досуговые пространства были распределены по территории города весьма неравномерно, и плотность их размещения сильно различалась в зависимости от статуса того или иного района, а также от назначения того или иного досугового пространства. Так, очаги культуры и искусства в основном размещались в самой престижной части города, где проживала наиболее состоятельная и образованная часть населения. Заведения с сомнительной репутацией размещались, как правило, на окраинах, подальше от мест проживания т.н. «чистой публики», но не самых «выселках», а поближе к потенциальным «потребителям» их услуг.

Заметим, что публичность досугового пространства не всегда означала общедоступность. В этом плане в публичном пространстве можно обозначить существование своеобразных «групповых» публичных

---

³ Надырова Х.Г. Архитектурно-пространственная организация Старо-Татарской слободы в конце XVIII-начале XX вв. // Старо-Татарская слобода – от прошлого к будущему. - Казань, 2001. - С. 196.

⁴ Салихов Р.Р. Актуальные проблемы и перспективы изучения истории Старо-Татарской слободы // Старо-Татарская слобода – от прошлого к будущему: Материалы научно-практич. конф. Казань, 28 февраля – 1 марта 2000 г. /Отв. ред. Галлеев Н.Р. - Казань, 2001. - С. 18-19.

пространств – как бы пограничных между общественными и частными. Это части публичного пространства, сегрегированные по национально-конфессиональному, сословному, профессиональному, гендерному⁵ и прочим признакам. Один из ярких примеров – казанские клубы: Дворянский, Военный, Купеческий, Восточный, Шахматный и пр., суммы членских взносов⁶ и уставы которых «отсекали» доступ к членству в них представителей низших городских слоев, солдат, женщин, учащихся средних учебных заведений, а правила ограничивали появление на мероприятиях клубов «посторонних» лиц, поскольку существовала система приглашений и поручительства членом приглашаемых гостей.

Сегрегация внутри публичного досугового пространства, призванная не допустить в те или иные досуговые пространства представителей отдельных групп населения (или ограничить им доступ), осуществлялась при помощи различных рычагов. Один из них – административный. Например, выработанными в Казанской губернии в 1895 г. «Правилами относительно соблюдения порядка и приличия учениками вне стен учебного заведения и вне дома» учащимся средних учебных заведений строго запрещалось посещать маскарады, клубы, трактиры, кофейни, кондитерские, бильярдные, молочные, некоторые другие публичные и увеселительные места (в том числе ряд городских садов). Посещение театра и публичных библиотек допускалось только с разового разрешения начальства учебного заведения,

---

⁵ Публичное пространство вообще традиционно воспринималось как сфера мужских деятельности и досуга, а домашнее пространство – соответственно, женских.

⁶ Например, в 1907-1908 гг. суммы годового членского взноса в казанских клубах и собраниях: Дворянское собрание – 25 руб., Купеческое собрание – 15 руб., Казанское общество поощрения коннозаводства – 15 руб., Общество любителей шахматной игры (Шахматный клуб) – 12 руб., Вспомогательное общество приказчиков – от 18 до 6 руб. (существовало три разряда членства), Собрание служащих в правительственных и общественных учреждениях – 10 руб., Адмиралтейское соединенное собрание – 10 руб., Казанское офицерское собрание – 7 руб. 20 коп., Общество мусульман г. Казани (Восточный клуб) – 5 руб., Собрание служащих при Алафузовских фабрике и заводе – 3 руб. (См.: Национальный архив Республики Татарстан (далее – НАРТ). - Ф. 1. - Оп. 4. - Д. 2979. - Л. 7, 45-46).

время нахождения учеников вне дома было жестко ограничено⁷. На основании высочайше утвержденного 12 марта 1871 г. мнения Комитета министров, объявленного в циркулярах Главного штаба, нижним чинам, состоящим на действительной службе, был запрещен вход в заведения, производившие «раздробительную продажу крепких напитков»⁸. Впрочем, и учащимися, и солдатами эти грозные запреты спокойно нарушались.

Были и другие рычаги сегрегации - например, экономический (ценовой): повышенная плата за вход в престижные рестораны, даже за вход в городские сады и парки в определенные дни и часы, дифференцированная плата за проезд в разных частях прогулочного трамвая (вагоны разделяла перегородка - билет в передней части вагона стоил пять копеек, а в задней - три⁹) и пр. Так, цены на билеты в городской театр в 1870-х гг. варьировались от 25 копеек («верхние места», раек) до 7 рублей (за литерную ложу)¹⁰. Чуть позже, когда появились электротeatры, эта дифференциация осуществлялась и там. Несмотря на небывалую демократичность этой новой формы досуга, все же кинотеатры были не чужды определенной «стратификации» посетителей. Кинематографическая традиция в Казани во многом возникла, как продолжательница театральной, и места в зрительном зале – подобно местам в городском театре, - нередко подразделялись на ложи (в «Электре» даже ложи бельэтажа и ложи бенуара), кресла и места в рядах. Билет в 3-й ряд в 1915 г. стоил 10 копеек, а в ложу бельэтажа – 4 рубля¹¹. Правда, казанские кинотеатры в этом плане были намного демократичнее некоторых московских, в которых, дабы не смешивать «чистую» публику с «простой»,

---

⁷ НАРТ. - Ф. 1. - Оп. 3. - Д. 9747. - Л. 2, 4. Отпускаемому в театр учащемуся инспектором учебного заведения выдавался разовый билет, в театре находились надзиратели от учебного заведения. Причем, учащиеся отпускались лишь на спектакли, признаваемые директором их учебного заведения «соответствующими возрасту учащегося». См.: НАРТ. - Ф. 1. - Оп. 3. - Д. 10905. - Л. 1-1об.

⁸ НАРТ. - Ф. 1. - Оп. 3. - Д. 5721. - Л. 105.

⁹ Адо В.И. Вспоминая о прошлом... Записки русского интеллигента XX века // Казань. - Казань, 2000. - № 7. - С. 48.

¹⁰ НАРТ. - Ф. 98. - Оп. 1. - Д. 440. - Л. 12об.

¹¹ НАРТ. - Ф. 636. - Оп. 1. - Д. 1.

из галереи и партера даже устраивали отдельные выходы, они имели отдельные фойе и вестибюли¹².

Сегрегация посетителей по их «финансовой состоятельности» осуществлялась и в публичных домах, благодаря их дифференциации на разряды с четким определением цены на «услуги». В январе 1885 г. Казанская губернская управа по докладу своей комиссии, изучавшей вопросы надзора за проституцией, постановила разделить «существующие в Казани дома терпимости, по их состоятельности» на 4 разряда: перворазрядные бордели взимали с клиентов за посещение от 2 до 3 рублей, второразрядные – от 1 до 2 рублей, третьеразрядные – от 50 коп. до 1 руб., и бордели четвертого разряда – от 20 до 30 копеек¹³. Провести ночь в публичном доме стоило в дорогих заведениях 5 рублей, в дешевых – 50 копеек¹⁴.

Пароходы, курсировавшие летом по озеру Кабан, тоже делились на два класса по стоимости билетов: в будни билет в первый класс стоил 15 копеек, во второй – 10 коп., а в праздники, соответственно, 20 и 15 копеек. Существовали и своеобразные «социальные» билеты: дети до 10 лет, «деревенские и нижние чины» платили по 5 копеек¹⁵. Бесплатный вход в некоторые досуговые пространства, их социальная и ценовая недифференцированность нередко вызывали недовольство более обеспеченных и привилегированных слоев населения, не желавших смешиваться с «простой» публикой. Так, автор письма в казанскую газету, комментировавший открытие нового загородного гулянья на Дальнем Кабане, презрительно замечал: «Вход на «Пикник» бесплатный, и, по всей

---

¹² Алексеева Е.П. Развитие и становление кинематографа в Казани и Казанской губернии (1897 – 1917 гг.). - Казань, 2007. - С. 156.

¹³ НАРТ. - Ф. 1. - Оп. 3. - Д. 6265. - Л. 64.

¹⁴ Вишленкова Е., Малышева С., Сальникова А. Казанское житье (XIX-XX века) // Эдвард Турнерелли. Казань и ее жители. Елена Вишленкова, Светлана Малышева, Алла Сальникова. Казанское житье (XIX-XX века). - Казань, 2005. - С. 928-930.

¹⁵ Казанский телеграф. - 1893. - 8 мая.

видимости, благодаря этому обстоятельству нам пришлось встретить там деревенский лапоть»¹⁶.

Сегрегация осуществлялась и при помощи «дресс-кода». Скажем, в городские сады оборванцев в лохмотьях и просто плохо одетых не пускала полиция. М.Горький в одном из своих рассказов «Двадцать шесть и одна» (1899 г.), вспоминая свою казанскую жизнь 1880-х гг. и работу в пекарне, подчеркивал разный «статус» таких работников хлебопекарного дела, как крендельщики и булочники. Говоря о более высоком статусе булочников, он писал: «они по праздникам и в свободное от работы время одевались в пиджаки и сапоги со скрипом, двое из них имели гармоники, и все они ходили гулять в городской сад, - мы же носили какие-то грязные лохмотья и опорки или лапти на ногах, нас не пускала в городской сад полиция (...)»¹⁷.

Бедные и плохо одетые студенты нередко не появлялись на балах и вечерах в дворянских домах, даже если имели на то право по принадлежности к сословию. А многие студенты вообще стеснялись появляться плохо одетыми вне студенческого сообщества. Так, мемуарист писал, вспоминая свое студенчество в 1870-х гг., что «многие студенты, из застенчивости и неимения приличного костюма, не вели знакомств с горожанами, а проводили время в товарищеской компании»¹⁸.

Однако, как, по известному высказыванию, суровость российских законов смягчалась необязательностью их исполнения, так и суровость «сегрегационных» мер и факторов воздействия смягчалась многочисленными исключениями и послаблениями, носившими характер почти что нормы. А к началу XX в., по мере демократизации и гомогенизации досугового пространства, сегрегация еще более ослабевает, а рычаги ее регулирования оказываются все менее действенными.

---

¹⁶ Казанский телеграф. - 1893. - 25 июня.

¹⁷ Горький М. Собрание сочинений в 16 тт. - Т. 3. - М., 1979. - С. 408.

¹⁸ Флерин Н.Ф. Быт студентов Казанского университета в 70-х гг. Воспоминания // Ученые записки Казанского государственного университета им. В.И.Ульянова-Ленина. - Казань, 1930. - Книга 5. - С. 899.

Недостаток досуговых публичных пространств в определенных частях города (например, рабочие и ремесленные слободы), отсутствие собственных групповых публичных пространств у некоторых категорий городского населения (татары-мусульмане) – значительно повышали значение частных досуговых пространств. Эта гипертрофированная роль домашнего пространства в немалой степени способствовала преобладанию и лидированию в структуре досуга указанных категорий населения такой формы отдыха, как гостевание (прием гостей и походы в гости), характерной для традиционных, сельских культур.

Частное досуговое пространство было довольно закрытым. Эту закрытость признавал даже закон, снисходительно позволяя практиковать в домашнем пространстве такие формы досуга, которые не разрешались в публичном. Так, законы Российской империи запрещали азартные игры в карты и другие игры в публичном пространстве (другой вопрос – лукавая трактовка того, что является азартной игрой, и фактическое разрешение карточных игр в пространстве сословных клубов). Игра же в домашнем и дружеском кругу разрешалась – «если игра игроку служила забавою или отдохновением посреди своей семьи и с друзьями и притом она не принадлежит к числу игр запрещенных, то вины нет»¹⁹. Кстати, «Устав о предупреждении и пресечении преступлений» 1857 г. регулировал вопросы «благочиния» отдельно для «домашних забав и увеселений» и для «общенародных». Хотя в содержание «домашних забав» государство особенно не вникало, замечая, что «домашние забавы и увеселения тогда только подлежат надзору полиции и воспрещаются ею, когда в оные входит что-либо, законам противное»²⁰.

---

¹⁹ Свод законов Российской империи. Издание 1857 г. - Т. 14. Уставы о паспортах, о предупреждении преступлений, о цензуре, о содержащихся под стражею, и о ссыльных. - СПб., 1857. Устав о предупреждении и пресечении преступлений. - С. 85-86.

²⁰ См.: Свод законов Российской империи. Изд-е 1916 г. - Т. 14. Устав благочиния и безопасности. - Пг., 1916. - Ст. 296. - С. 60.

Степень закрытости частного досугового пространства зависела от целого ряда факторов. В отношении Казани одним из значимых факторов был национально-конфессиональный. Речь идет о специфике мусульманского частного досугового пространства. Это находившееся внутри замкнутого квартала – махалли, специфически организованное (татарская архитектура дома была ориентирована «внутрь» - внутреннее пространство закрыто от посторонних глаз) досуговое домашнее пространство включало, помимо того, особую закрытую зону внутри этого «закрытого» дома – женскую половину, где проводили свой досуг женщины семьи и их гости. Карл Фукс, врач, профессор Казанского университета, написавший один из первых трудов о казанских татарах и их быте, рассказал в своей книге 1844 г. об одной из таких «вечеринок» богатых татарок – о пирушке накануне свадьбы²¹. Фукс подчеркивал, что только тем обстоятельством, что он вылечил хозяйку дома от болезни, и своему искусству уговаривать он был обязан тайным «присутствием» в женском досуговом пространстве (его спрятали в соседней комнате и позволили смотреть в дырочку на ширме). Кроме того, в качестве своеобразной «заложницы» соблюдения приличия и для успокоения совести хозяйки на торжество была приглашена русская жена Фукса. Думается, что одной из причин, почему хозяйка дома согласилась тайно нарушить закрытость женского досугового пространства мусульманского жилища, было и то обстоятельство, что Фукс был немцем, т.е. представителем совсем иной культуры. Он не подчинялся мусульманским традициям, поэтому не мог их и нарушить, как не мог нарушить «святость» женской половины дома, поэтому рассматривался в качестве меньшей потенциальной опасности, чем мужчина-татарин.

Закрытое частное пространство досуга семьи, отдельного горожанина позволялось нарушать лишь родственникам, близким друзьям,

---

²¹ Карл Фукс о Казани, Казанском крае. Труды, документы, воспоминания, исследования. - Казань, 2005. - С. 177-181.

приглашенным. Как это ни парадоксально, но иллюзию открытости производили домашние досуговые пространства, с одной стороны, низших, с другой стороны – высших слоев населения. Однако, и в том, и в этом случае это было только иллюзией.

В отношении низших слоев эта иллюзия создавалась широким распространением досуговой формы гостевания. Однако доступ в досуговые пространства представителей низших слоев довольно жестко регулировала традиция и представления о поведении в будничное и праздничное время, восходившие к сельской культуре. Бытовавшая в среде широких слоев населения мысль о том, что «незванный гость хуже татарина», в полной мере отражала эту традицию. Т.А.Бернштам, изучавшая повседневную жизнь русской общины XIX – начала XX вв., отметила, что посетитель, пришедший без приглашения в будничное время, не удостоивался угощения, поскольку не считался гостем²².

В отношении некоторых домов богатых и знатных горожан, интеллигенции иллюзия «открытости» досугового пространства могла создаваться во время дававшихся пышных балов и званых вечеров, регулярно организуемых салонов и журфиксов. Действительно, число «вторгавшихся» в частное досуговое пространство в эти дни необычайно расширялось, но иллюзия нарушения закрытости досугового пространства оставалась лишь иллюзией. Несмотря на обилие посетителей, их состав жестко контролировался во избежание допуска «чужака». Состав гостей контролировался как специальными приглашениями, рассылаемыми заблаговременно, так и системой докладов и «контролем» прислуги на входе. И не только прислуги: нередко хозяева сами встречали гостей. Так, описывая в своем романе бал в доме казанской дворянской семьи, П.Д.Боборыкин замечал, что «хозяин дома, по обыкновению, торчал у входа в гостиную,

---

²² Бернштам Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX вв. - Л., 1988. - С. 210.

говорил каждому «enchanté!» (...)»²³. «Естественный отбор» посетителей обуславливался и самими формами досугового времяпрепровождения: присутствие на литературно-музыкальных чтениях, интеллектуальные беседы в салонах интеллигенции требовали наличия определенного интеллектуального и культурного ценза.

Некоторым нарушением частного досугового пространства можно считать лишь традицию поездок с поздравлениями в частные дома в праздничные дни: краткие визиты поздравляющих принимали вне зависимости от того, вхож ли визитант в дом или нет. Другое дело, что в зависимости от статуса и социально-профессиональной принадлежности визитантов принимали по-разному. Историк В.И.Адо вспоминал, что в начале XX в. приходивших поздравить с Пасхой посетителей в доме его отца – крупного казанского чиновника, - принимали «по ранжиру». Родственников, знакомых, сослуживцев – «людей родительского круга» - принимали в гостиной и столовой, усаживали за стол, потчевали. Священника и дьякона, совершавших в гостиной молебен, после молебна также приглашали к столу, а почтальону, дворнику и швейцару, не приглашая присесть, подносили водку и закуску и денежный подарок, причем, почтальона принимали через парадный вход, а двух других – через черный ход²⁴.

В рассматриваемое время частное, домашнее досуговое пространство могло, при определенных условиях, трансформироваться на некоторое время в публичное. Речь идет о бытовавшей – особенно среди городских мещан, - практике разовой «сдачи» своего жилища (дома или квартиры) под проведение вечеринки, гулянки с платным входом – по «билетам». Архивные документы фиксируют многочисленные случаи такой «сдачи» помещений в Казани в конце XIX – начале XX вв. Так, в октябре 1893 г. провизор Бергман сдал квартиру на ночь за 10 рублей для студенческой вечеринки, в октябре

---

²³ Боборыкин П.Д. В путь-дорогу. Роман в 6 книгах. - СПб., 1864. - Кн. 4. - С. 51.

²⁴ Адо В.И. Вспоминая прошлое... С. 47-48.

1895 г. вдова мещанина Ю.В.Шпакштейн сдала свою двухкомнатную квартиру на всю ночь за 5 рублей для той же цели. И на той, и на другой вечеринке гуляло более 100 человек (причем, вся семья Шпакштейн, включая ее сыновей-гимназистов, вынужденно присутствовала на этой вечеринке)²⁵. На вечеринке в квартире мещанки С. Владимировой в ноябре 1892 г. гуляло более 150 человек²⁶. Такая практика вызывала порицание властей, неизменно указывавших квартировладельцам или –съемщикам на недопустимость предоставления своего жилища для «незаконных» сборищ, каковыми являлись такие вечеринки. Практика сдачи/съема частных помещения под вечеринку была следствием такого новшества в хронотопе досуга средних и низших городских слоев, как расширение сферы досуга за счет ночных часов – от заката до рассвета – в подражание «элитной» привилегии дворянства развлекаться до утра²⁷. Эта подражательная тенденция усиливалась по мере демократизации досуговой культуры во второй половине XIX – начале XX вв.

Однако «оппозиция» различных частей досугового пространства, даже их «конфликт», предполагали все же и диалогический характер их взаимодействия и взаимовлияния. Активные коммуникации горожан, представителей различных городских слоев в ситуации отдыха постепенно делали досуговое пространство провинциального города диалогичным²⁸, способствовали его гомогенизации.

Один из интереснейших аспектов проблемы «конфликта/диалога» досуговых пространств – это нарушение границ «своего» повседневного обыденного пространства в ситуации досуга, выход на фронтир²⁹.

---

²⁵ НАРТ. - Ф. 1. - Оп. 3. - Д. 9235. - Л. 1-1об.; Д. 9971. - Л. 1-1об.

²⁶ НАРТ. - Ф. 1. - Оп. 3. - Д. 8998. - Л. 2-2об.

²⁷ Об этом см.: Дуков Е. Ночь и город // От заката до рассвета: Ночь как культурологический феномен: Сб. ст. - СПб., 2005. - С. 14.

²⁸ О диалогичном характере взаимоотношений хронотопов см.: Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе (Очерки по исторической поэтике) // Эпос и роман. - СПб., 2000. - С. 186-187.

²⁹ Неоднозначное и дебатлируемое понятие «фронтир» используется здесь не в значении «четко очерченная граница», а в значении «пограничье», «пограничное пространство»,

Исследователи, обратившие внимание на эту «охоту к перемене мест», считали перемещение в пространстве досуга компенсацией временного кризиса, попыткой разорвать замкнутость временного будничного цикла³⁰.

Частным случаем нарушения привычного обыденного пространства может считаться проведение досуга представителями разных социальных или национальных слоев непосредственно на фронтире. Своеобразным «фронтиром», на котором проводили досуг жители разных районов города, представители разных социальных и национально-конфессиональных слоев, были базары (на Николаевской, Рыбнорядской и др. площадях) и сезонные ярмарки (Весенняя биржа, или Ташаяк), нередко располагавшиеся на границе, пересечении районов. Фронтиром между русской и татарской частями города было озеро Кабан. Как писал Ф.И.Шаляпин: «С одной стороны Кабана – тихая Татарская слобода и огромная фабрика Крестовниковых, а с другой стороны – Пески, где всю ночь напролет пьют, дерутся. А между этими противоположностями – спокойное, темное пространство (...)»³¹. В Казани именно на этой границе между татарской и русской частями Казани – на льду озера Кабан, традиционно проводились кулачные бои - дрались «татары» против «русских»³². Кстати, будущий

место встречи различных культур. Т.е. практически в том значении, которое придавал этому понятию Фредерик Джексон Тернер, введший его в широкий научный оборот в своей речи 1893 г. «Фронтир в американской истории». См.: Turner F.J. The Frontier in American History. Foreword by W.R.Jacobs. - Tucson, London, 1994. - P. 3.

³⁰ См., например: Егоров Б.Ф. Труд и отдых в русском быту и литературе XIX в. // Культурное наследие Древней Руси. Истоки. Становление. Традиции. - М., 1976. - С. 323-324.

³¹ Шаляпин Ф.И. Страницы из моей жизни. - Пермь, 1961. - С. 40.

³² Впрочем, принципы «подразделения» «сражающихся сторон» в разных городах были различными. Кроме «национального», довольно нередок был «территориальный» - по районам города, и даже принцип «социальный» - «городские против деревенских», как описывалось в воспоминаниях И.А.Слонова о кулачных боях в Коломне на льду Москвы-реки (Слонов И.А. Из жизни торговой Москвы (Полвека назад). - М., 1914. - С. 23-25), или в воспоминаниях М.Горького о нижегородских воскресных кулачных боях – против нижегородцев дрались крестьяне окрестных деревень и рабочие ассенизационных обозов. См.: Горький М. В людях // Собр. соч. в 16-ти томах. - Т. 9. - М., 1979. - С. 220. На окраинах Воронежа вплоть до второй половины 1920-х гг. кулачные бои по праздникам (на святках и масленице) на льду реки происходили между городскими и слобожанами Суконной слободы. См.: Фомин Г.И. Кулачные бои в Воронежской губернии. - Воронеж, 1926. - С. 4.

великий певец Ф.И.Шляпин и сам мальчишкой дрался на льду озера Кабан на стороне «русских» - мастеровых Суконной слободы³³. Поведение на этом фронтире было четко регламентировано негласными правилами кулачных боев и неукоснительно соблюдалось обеими сторонами.

В качестве своеобразного «выхода за фронт» между «своим» и «чужим» досуговым пространством могут рассматриваться также поездки на «загородные гулянья» и дачный отдых. Для городского населения рассматриваемого времени «перемена места», выход за пределы своего будничного пространства обитания – в публичные места отдыха и гуляний, в рекреационные загородные зоны – становились важными приметами, маркерами досуга³⁴. В данном случае выход за фронт был связан с тягой к «перемене мест», с сезонными (летними) перемещениями за пределы привычного городского пространства с началом вакационного времени.

Эту тягу горожане реализовывали по-разному. Неимущие слои практиковали однодневные вылазки на природу, на Волгу, в леса, окружавшие Казань. Ф.И.Шляпин, вспоминая свои подростковые годы в Казани, описал одну такую вылазку на природу в 1880-х гг.: «... я с товарищами отправился по грибы верст за 10 от города, по Арскому полю, мимо «сумасшедшего дома» (...) В лес мы пришли только к вечеру, собрали немного грибов, устроили привал на берегу речки, потом нарыли в поле картошки и, разведя костер, сварили в котелке похлебку. Поели и разлеглись вокруг костра, над речкой, среди темных стен леса, рассказывая и слушая страшные истории»³⁵. М.Горький в одном из своих рассказов «Коновалов» (1896 г.), написанном во многом по впечатлениям его казанской жизни 1880-х гг., когда он работал в пекарне, также живописует радости праздничных вылазок на природу: «В праздники мы с Коноваловым уходили за реку, в

---

³³ Шляпин Ф.И. Страницы из моей жизни. - С. 40-41.

³⁴ Не углубляясь в весьма специальную тему «бродяг» и бродяжничества, заметим, что одним из мотивов перемещения этого маргинального слоя населения по территории империи было именно такое представление о «вольной», «досуговой» жизни – как о перемене места, смене впечатлений.

³⁵ Шляпин Ф.И. Страницы из моей жизни. - С. 43.

луга. Мы брали с собой немного водки, хлеба, книгу и с утра отправлялись «на вольный воздух», как называл Коновалов эти экскурсии. (...) Иногда нам хотелось философствовать, и мы шли далеко в луга, за реку, где были маленькие озера, изобиловавшие мелкой рыбой, зашедшей в них во время половодья»³⁶.

Разумеется, у высших и средних городских слоев было намного больше финансовых возможностей смены пространства – переезд на лето в имение, на дачи, путешествия по России и за границу. Так, поэт и журналист Г.Тукай, планируя лето, размышлял о возможности – при условии, что найдет необходимую сумму, - провести лето в путешествии³⁷. Однако путешествия – особенно за границу, - были весьма обременительной статьей расхода в бюджете представителей средних слоев³⁸, провинциальной интеллигенции. Поэтому нередко позволить себе путешествовать все лето могли люди, не обремененные большой семьей³⁹.

Более экономичным вариантом летнего выхода за пределы привычного досугового пространства были выезды в загородные сады и в парки, отдых на

---

³⁶ Горький М. Собрание сочинений в 16 тт. - Т. 1. - М., 1979. - С. 198-200.

³⁷ Он писал Сагитту Сунчаляю 11 марта 1911 г.: «Если смогу найти достаточно денег, то весной, а не летом, с первым же пароходом хочу поехать в Астрахань к Сагитту Рамееву, а оттуда собираемся вдвоем к киргизам на кумыс. Есть намерение все лето кататься по Волге и, если выдастся возможность, заглянуть недели на две в Стамбул». См.: Тукай Г. Избранное. В 2-х тт. - Т. 2. Публицистика, критика, фельетоны, автобиографические очерки и заметки, избранные письма. - Казань, 1961. - С. 250.

³⁸ Если цены на экскурсии внутри империи колебались в пределах от 55 до 115 рублей (1911 год), то цены на поездки на окраины империи и за границу простирались в диапазоне от 350 рублей (за трехнедельный тур в Финляндию и Швецию) до 2500 рублей (трехмесячный вояж с посещением Франции, Италии, Египта) (цены 1885 года). См.: McReynolds L. *Russia at Play: Leisure Activities at the End of the Tsarist Era*. - Ithaca, London, 2003. - P. 166. Примерно таков же был диапазон годового заработка провинциальных горожан различных слоев и профессий – от нескольких десятков рублей до нескольких тысяч рублей.

³⁹ Барнаульский учитель Н.Ф.Шубкин неоднократно упоминал в своем дневнике такие возможности посещения летом зарубежных стран, как экскурсии в Европу, организовавшиеся Обществом распространения технических знаний, но отмечал, что далеко не каждый педагог мог позволить себе эту роскошь: «Я могу это сделать лишь потому, что холостой и могу все зарабатываемые мною деньги тратить только на себя. Но лишь обзаведется учитель семьей – и крылья у него уже подрезаны: выехать дальше дачи или ближней деревни он уже не может». См.: Шубкин Н.Ф. *Повседневная жизнь старой русской гимназии (Из дневника словесника Н.Ф.Шубкина за 1911-1915 гг.)* / Публ., предисл. и послесл. В.Н.Шубкина. - СПб., 1998. - С. 82, 118.

снимаемой на лето даче. Весьма популярный среди казанцев в конце XIX – начале XX парк «Русская Швейцария» на Арском поле относили скорее не к городским садам, а к «загородным гуляньям». До Русской Швейцарии из центра города можно было добраться на трамвае. Это живописное место – большая роща, спускающаяся с одной стороны к реке Казанке, еще с XVIII-начала XIX вв. было любимым местом праздничных гуляний горожан. В 1890-е гг. вход в парк был бесплатный. Там работал ресторан, с открытой сцены которого выступали шансонетки, куплетисты, рассказчики⁴⁰. Расположенная еще чуть дальше от центра города «Немецкая Швейцария» была любимым местом отдыха жителей Казани, особенно немцев (т.н. «немецкое гулянье»). С 1820-х гг., но особенно активно – с середины XIX в. казанские немцы – профессора, купцы, чиновники, - охотно строили там дачные домики, арендуя землю у города и организуя общественные гулянья для казанцев⁴¹. В 1876 г. Казанская городская управа отмечала, что «Немецкая Швейцария представляет удовольствие гуляний для всех городских жителей, содержится же немцами весьма чисто и хорошо»⁴².

К казанским «загородным гуляниям» в конце XIX в. относилась также дачная местность по берегам городских озер с общим названием Кабан. На эти гулянья горожане добирались пароходами. Т.н. «легкое пароходство» по озеру Кабан – для развоза жителей в ближнюю рекреационную зону, - было основано в 1878 г. Н.А.Свешниковым. Общественные «гулянья» на «дачах» вокруг озера, где устраивались платные увеселения, буфеты, а также курсирование пароходов начинались с 1 мая. Так, в 1893 г. горожане могли отправиться на пароходе, например, в так называемый «Чертов угол», на дачу Серебряниковой, где с 1 мая открывалось «народное гулянье с оркестром духовой музыки и большим бриллиантовым фейерверком». Газетное объявление зазывало казанцев: «(...) на даче имеются различные

---

⁴⁰ Спутник по Казани. Иллюстрированный указатель достопримечательностей и справочная книжка города / Под ред. проф. Н.П.Загоскина. - Казань, 2005. - С. 677-678.

⁴¹ См.: НАРТ. - Ф. 98. - Оп. 1. - Д. 1013.

⁴² НАРТ. - Ф. 98. - Оп. 1. - Д. 1013. - Л. 15.

увеселения, как то: качели, гигантские шаги, кегельбаны, бильярд, и для катания по Кабану лодки, а также имеется буфет и кухня, снабженная свежей провизией и хорошим опытным поваром. Цены на все умеренные»⁴³. Кроме того, летом 1893 г. к этим гуляньям прибавилось гулянье «Пикник» на бывшей даче Унжениной на Дальнем Кабане⁴⁴.

Заметим, правда, что эти загородные «гулянья» не всегда пользовались хорошей славой. В письме в редакцию местной газеты подчеркивалось наличие «специфических прелестей» загородных гуляний, привлекающих «любителей пикантных развлечений»⁴⁵. Недаром такие популярные загородные гуляния, как часть «Русской Швейцарии» с открытой сценой, а также «Чертов Угол» и «Аркадия» на Кабане были в 1896 г. объявлены попечителем Казанского учебного округа «безусловно воспрещенными для посещения учениками средних учебных заведений»⁴⁶.

Представители средних и высших городских слоев, при наличии средств, имели обыкновение снимать дачи вблизи Казани – по берегам Волги, а с постройкой железной дороги – и в местности поблизости от станций. Весной казанские газеты были полны объявлений о сдававшихся дачах⁴⁷. Специально в дачный сезон пускались «дачные пароходы»⁴⁸. Причем, к началу XX в. не только русские казанцы на лето выезжали на собственные или снимаемые дачи. Состоятельные татарские семьи также снимали дачи вблизи Казани. Так, историк В.И.Адо вспоминал, что поблизости от них дачу снимала татарская семья – муж с двумя женами; хозяин весь день работал, а к вечеру возвращался на дачу к своим супругам⁴⁹.

Однако, выходя «за фронт» привычного повседневного и досугового пространства, жители провинциального города, как правило, воспроизводили

---

⁴³ Казанский телеграф. - 1893. - 8 мая, 2 мая, 28 апреля.

⁴⁴ Казанский телеграф. - 1893. - 25 июня.

⁴⁵ Казанский телеграф. - 1893. - 25 июня.

⁴⁶ НАРТ. - Ф. 1. - Оп. 3. - Д. 9747. - Л. 4.

⁴⁷ См., например, объявления о сдаче дач от 15, 16, 17 и др. апреля 1893 г. в газете «Казанский телеграф».

⁴⁸ Дачные пароходы // Казанский телеграф. - 1893. - 21 апреля.

⁴⁹ Адо В.И. Вспоминая прошлое... С. 49-53.

модель поведения в этом привычном пространстве. Прежде всего, они дистанцировались от представителей «чуждых» социальных слоев, сводя досуговое общение с ними к минимуму. Так, татарский поэт Г.Тукай в стихотворении «Дача (воспоминание о путешествии по Волге)» (1911 г.) выразил негодование неимущих слоев, с завистью взиравших на богача, отправляющегося на лето на собственную загородную дачу:

«Оскорбить народ богачу коль на ум придет,
первым делом он для себя наймет пароход.
На народ смотреть и не хочет он, тот богач,
Он спешит туда, где давно его дача ждет.
Если станет вдруг за такую спесь солнце жечь,
Он раскроет зонт, заберется в тень – пусть, мол, жжет!
Расфрантился как! Знать, немало шкур снял с людей!
Вот бы вместе с ним да пошел на дно пароход!
А в деревне – грязь, темнота, нужда... Что ему?
Дом его, что рай, и никто туда не войдет»⁵⁰.

Еще одним способом такого дистанцирования было искусственное воспроизведение в дачной местности, в деревне привычного и социально (интеллектуально, профессионально) близкого городского «общества». Дачники нередко на выходные приглашали друзей и знакомых из города, и дачное сообщество на эти дни необычайно расширялось. Интеллигенция, купечество, другие представители средних слоев нередко включали в число гостей и своих друзей-татар и представителей других национальностей. Так, в рассказе Ф.Амирхана «Хаят» (1908 г.) описывается такая поездка на дачу, куда майским воскресеньем русская подруга пригласила героиню рассказа⁵¹.

Иногда это дистанцирование от сельского окружения выражалось даже в институциональных формах. Так, в 1896 г. перекочевавшая на летние дачи на станции Васильево «чистая публика» создала досуговое клубное объединение - «Общество благоустройства дачной жизни в Паратском отрезе (с.Васильево)». Общество имело все черты городского клуба - утвержденный Министерством внутренних дел устав, почетных, постоянных и временных

---

⁵⁰ Тукай Г. Избранное. В 2-х тт. - Т. 1. Стихотворения и поэмы. – Казань, 1960. - С. 184.

⁵¹ Амирхан Ф. Избранное. Рассказы и повести. Пер. с тат. Г.Хантемировой. Вступ. статья Л.И.Климовича. - М., 1975. - С. 249.

членов, общее собрание, комитет и пр. Целью Общества провозглашалось «содействие благоустройству Паратского отреза (Васильево) доставлением проживающим в оном дачникам возможно больших удобств». Оно предназначалось для организации повседневной и досуговой жизни весьма узкой категории дачников: постоянными членами Общества могли быть дачевладельцы отреза, наниматели дач, проживавшие здесь не менее трех лет, или же лица, внесшие в кассу общества единовременно 100 рублей. Все остальные дачники могли рассчитывать лишь на временное членство⁵². Этот «дачный клуб» в течение ближайших лет активно создавал и соответствующие досуговые пространства для дачников (курзал для досуговых мероприятий, купальня, и пр.)⁵³.

Нарушения границ «своего» досугового пространства в городе практиковали практически все слои населения. Даже в начале рассматриваемого периода представители высших городских слоев искали развлечений (в основном, сомнительного свойства) в бедных кварталах. Отдельных представителей низших слоев любопытство приводило в досуговую сферу богатых кварталов. Одной из форм свободного времяпрепровождения представителей низших городских слоев были драки за территорию внутри кварталов их проживания. Такую драку, в которой он случайно участвовал в 1880-х гг., – между матросами и алафузовскими рабочими, не поделившими пространство публичного заведения, – описал М.Горький в «Моих университетах»⁵⁴. Представители русских частей города отправлялись в «тихую татарскую слободу» за восточной экзотикой и мнимым покоем и благолепием. А представители татарского населения отправлялись в русские части города в поисках развлекательных заведений, запрещенных в татарских слободах. И это был не только, например, театр, но трактиры и публичные дома, даже специальные татарские публичные дома,

---

⁵² НАРТ. - Ф. 1. - Оп. 3. - Д. 9729. - Л. 6, 8 об., и др.

⁵³ НАРТ. - Ф. 1. - Оп. 4. - Д. 2979. - Л. 9, 46.

⁵⁴ Горький М. Мои университеты // Собрание сочинений в 16 тт. - Т. 9. - М., 1979. - С. 373.

размещавшиеся с конца 1850-х гг. до начала XX в. – ввиду противодействия татарской общины, - в русской части города (в Мокрой слободе).

Примечательно отношение мусульманской общины к нарушению ее представителями границ «своего» досугового пространства и к проведению запрещенных досуговых форм вне его. У татарской театральной традиции долгое время не было собственного пространства, она возникает довольно поздно – ввиду религиозных запретов ислама. Интересно, однако, что эти запреты не мешали татарам и даже татаркам посещать русские спектакли в русском театре даже в первой половине XIX в.⁵⁵. Одной из причин отсутствия открытой негативной реакции мусульманского духовенства на эти посещения (помимо того, что «нарушителями», как правило, были представители богатых, знатных и влиятельных татарских семейств, либо представители передовой интеллигенции) была пространственная удаленность «места нарушения запрета» от традиционного повседневного и досугового пространства татарских слобод. Попытки же в начале XX в. создать татарский театр – на своей повседневной территории и в пространстве своей собственной национальной культуры, - встречали бурное сопротивление как татарского духовенства, так и немалой части татарского общества – именно ввиду религиозных запретов ислама.

К концу рассматриваемого периода под влиянием процессов становления потребительского общества, масс-культуры, предпринимательской инициативы в сфере досуга – наблюдались тенденции гомогенизации и даже демократизации досугового пространства города, размывания границ между его частями. К примеру, к началу XX в. идет активная экспансия трактирных и иных развлекательных заведений в районы, где прежде их было довольно мало. Так, русские трактиры и пивные появляются в большом количестве и в татарских частях города. Русские

---

⁵⁵ Об этом см.: Спутник по Казани. Иллюстрированный указатель достопримечательностей и справочная книжка города. - С. 444; Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Т. 8. Казанская губерния / Сост. М.Лаптев. - СПб., 1861. - С. 230.

трактиры посещались татарами и раньше. Еще профессор Казанского университета Карл Фукс в своей книге «Казанские татары в статистическом и этнографическом отношении» (1844) отметил усилившееся «в течение последних 20 лет» «...сильное стремление их к русским трактирам, где познакомились они с европейской роскошью и пьянством»⁵⁶. Однако раньше это «стремление» сдерживалось как традицией, так и боязнью публичного осуждения мусульманским духовенством и сообществом. Неодобряемое в обычное время, посещение трактира в дни мусульманских праздников могло дорого обойтись «нарушителю». Фукс отмечал, что «во время Рамазана, т.е. поста, татары днем не являются в трактир, но в сумерки идут туда толпами. Многие молодые люди посещали бы в это время трактиры и днем, если бы не боялись, по их самолюбию, подвергнуться насмешке от своей братьи»⁵⁷, поскольку застигнутому в Рамазан в кабаке муллы назначал наказание – по свидетельству Фукса, его мазали сажей и гоняли в таком виде по улице⁵⁸. Увеличение количества трактиров - вкуче с происходившим сближением моделей досугового времяпрепровождения горожан и ослабеванием средств контроля конфессиональных сообществ за поведением их членов, - вело к тому, что посещение этих заведений стало вполне обыденным досуговым поведением татарских мужчин. В 1911 г. Габдулла Тукай в одной из своих газетных публикаций замечал, что «люди, которые всего лет 10-15 назад приходили по вечерам домой, подсаживались к разостланной скатерти с кипящим самоваром, к детям, радующимся возвращению отца, брали обеими руками ломоть калача, разламывали его с молитвой на устах и, держа в руке блюде с чаем, с треском откусывали сахар, - теперь эти люди в те же часы сидят в пивных, куда идти противно даже свиньям, и грызут завалящие

---

⁵⁶ Карл Фукс о Казани, Казанском крае. - С. 147.

⁵⁷ Карл Фукс о Казани, Казанском крае. - С. 148.

⁵⁸ Попытки контролирования поведения членов мусульманской общины со стороны этой общины практиковались до конца рассматриваемого периода, и не только в Казани. Так, в 1893 г. казанская газета сообщала, что в Астрахани во время обычного вечернего гулянья в Подкремлевском саду двое мулл с десятком татар «вылавливали» женщин и девушек-татарок, которые уходили на прогулку потихоньку от своей семьи. См.: Татарские цензора нравственности // Казанский телеграф. - 1893. - 6 июня.

сухари. И по какой бы улочке ни шли они домой, всюду манит их зелено-желтая вывеска: Не иди туда, милый, вернись сюда, На каждой улице русские трактиры»⁵⁹. Кстати, и сам Тукай признавался в письмах к друзьям-писателям в грехе пьянства и в посещении трактиров⁶⁰.

Однако, наряду с гомогенизацией досугового пространства, одновременно наблюдалась и другая тенденция - специализация отдельных городских районов по тем или иным досуговым предложениям. Так, например, развитие инфраструктуры города, борьба за улучшение качества досуговой инфраструктуры в конце XIX – начале XX вв. теснили публичные дома (особенно низшего пошиба) с насиженных мест на окраины. Т.н. «Мокринские притоны» с их обитателями – проститутками, сутенерами, жуликами и ворами - были потревожены в конце XIX в. строительством железной дороги, но на первых порах уцелели, перебравшись с 1-й Мокрой улицы на 2-ую⁶¹. Зато бордели с улицы разрешенных публичных домов Пески (позже т.н. «Дегтярка», ул. Дегтярная), находившейся практически на границе 4-ой, «плебейской» части города и «аристократической» 1-ой, в начале XX в. были выселены вглубь 4-й части, на берег озера Кабан⁶².

Наличие на окраинах форм развлечений, отсутствующих в центре, привлекали туда представителей «высших» и «средних» классов, жительствовавших в «аристократической» части Казани. Например, созерцание ледохода традиционно происходило на волжских пристанях в Адмиралтейской слободе, куда съезжался «весь город». В то же время, улучшавшееся материальное положение «низших классов», рост их культурных запросов и формирование новых общепринятых стандартов досуга стимулировали освоение ими досугового пространства городского центра, в котором в большинстве своем были сконцентрированы «очаги

---

⁵⁹ Тукай Г. Избранное. В 2-х тт. - Т. 2. Публицистика, критика, фельетоны, автобиографические очерки и заметки, избранные письма. - Казань, 1961. - С. 141.

⁶⁰ Тукай Г. Там же. - С. 242, 247.

⁶¹ См.: Казанский телеграф. - 1893. - 19 августа.

⁶² Об этом в начале 1960-х гг. свидетельствовал в беседе с историком Б.Ф.Султанбековым бывший служащий одного из публичных домов в Песках.

культурного досуга», и где по большей части развивались и самые демократичные новые формы досуга – скажем, просмотр кинофильмов в «электротئاتрах». Разумеется, ввиду этого «досуговые миграции» в различные части усиливаются.

А эти миграции породили целый ряд проблем. Одной из самых серьезных была проблема соответствующего поведения в досуговых пространствах. Она, впрочем, была не нова. Например, много беспокойства respectable горожанам – представителям дворянства, купечества, - доставляли студенты. Часть студенчества и в первой половине XIX в. была вхожа в их досуговые пространства ввиду дворянского происхождения, либо ввиду характера мероприятия, подразумевавшего относительно свободный вход (например, маскарады в Дворянском собрании), либо ввиду известного либерализма по отношению к студенчеству хозяев домов, где давались балы и вечера. В известном автобиографическом романе П.Д.Боборыкина «В путь-дорогу» (1862-1864 гг.) о жизни казанского студенчества 1850-х гг. описывалась ситуация, когда после скандала на маскараде в Дворянском собрании, устроенном нетрезвыми студентами (они приставали к знатной даме, пытаясь снять с нее маску), с ними во время бала в одном казанском дворянском доме отказались танцевать барышни-дворянки. Оскорбившиеся студенты демонстративно покинули бал, а на другой день вечером остановили четырехместный возок с отказавшими им «аристократками» и заставили их сделать с ними два тура польки по снегу⁶³.

Заметим, что по своему досуговому поведению казанское студенчество было одним из самых мобильных слоев населения города, легко и непринужденно пересекавших границы досуговых пространств и нередко чувствовавших себя «своими» как на дворянском балу, так и в самых низкопробных трактирах-«дешевках» и в публичных домах на Песках.

В начале XX в. происходившее размывание границ досуговых пространств и усилившиеся «досуговые миграции» еще более обострили

---

⁶³ Боборыкин П.Д. В путь-дорогу. Т. 2. - Кн. 3. - С. 51-67.

проблему коммуникации горожан. Теперь в одних и тех же пространствах сталкивались стандарты «нормального» досугового поведения представителей различных слоев населения. И представители высших городских слоев и городская администрация столкнулись с необходимостью регламентации, социального контролирования поведения низших слоев. Так, 6 сентября 1911 г. Комиссия городской управы, заведовавшая садами и парками, жаловалась в своем докладе Казанской городской думе, что, несмотря на развешанные во всех парках плакаты с просьбами соблюдать порядок, этот порядок постоянно нарушается, особенно в Андреевском садике в Адмиралтейской слободе и в Черноозерном саду в центре города. «Рабочие близнаходящегося завода Свешникова и другая публика позволяют себе не только ходить по газону, но даже лежать на нем и прочее», - сетовала Комиссия, отмечая, что то же самое происходит и в других садах и парках. Комиссия предлагала думе издать обязательное постановление, которое воспрещало бы горожанам рвать в городских садах и парках цветы, мять траву, выгуливать собак, ездить на велосипедах и так далее⁶⁴. Открытие общественных «торговых» (платных) купален на реке Казанке (с открытым выходом из мужского отделения в реку) также породило проблему поведения купальщиков⁶⁵. Некоторые купальщики не видели ничего предосудительного в том, чтобы купаться, а потом разгуливать по берегу, как было сказано в газетной заметке, «в костюме Адама», что приводило в ужас приличные семейства, распивавшие чай на лужайке у купальни⁶⁶. С теми же проблемами сталкивались дачники, пожинавшие плоды экспансии городской досуговой культуры с ее стандартами поведения в пространство сельской («дачной») местности и ее неприятия местными жителями. В газетных репортажах о дачной местности Б.Дербышки отмечалось, что местные молодые люди

---

⁶⁴ НАРТ. - Ф. 98. - Оп. 5. - Д. 281. - Л. 269-270.

⁶⁵ Разумеется, в таких купальнях были и т.н. «дворянские» отделения, но эта дифференциация была очень условна. Как вспоминал Ф.И.Шаляпин, за 2 копейки он, мальчик из бедной семьи, вполне мог наплаваться в дворянском отделении купальни на озере Кабан до посинения. См.: Шаляпин Ф.И. Страницы из моей жизни. - С. 15.

⁶⁶ Казанский телеграф. - 1893. - 14 июля.

пристают к дачницам, приглашая их искупаться, остановили юного велосипедиста, отобрали у него велосипед и требовали выкуп водкой⁶⁷.

Конфликтные ситуации рождались не только ввиду столкновений разных представлений о допустимом/недопустимом поведении, стандартов поведения в одних и тех же досуговых пространствах. «Конфликт пространств» наблюдался и в связи с изменением структуры городского досуга к концу XIX – началу XX вв. Новые формы досуга, которые сами по себе не всегда одобрительно встречались большинством горожан (по разным причинам: ввиду принципиального неприятия нового, из-за боязни, из зависти к тем, кто мог себе позволить практиковать эти новые формы, и т.д.), к тому же, как правило, занимали то пространство городского центра, в котором практиковались давние, устоявшиеся, привычные формы досуга.

Скажем, появление в конце XIX в. в городском пространстве прогулочных и спортивных велосипедов вызывало порой самые негативные отклики жителей, находившие отражение и в газетных заметках, и в фельетонах. На улице они позиционировались как источники опасности для жизни и здоровья жителей: «(...) Задавили бабу, / Но не сильно, нет!/ Кто же это сделал? / Да велосипед!». Высказывались мнения и о негативном влиянии велосипедов и увлечения ими на качество досуга горожан, особенно молодежи. Автор стихотворного фельетона, укрывшийся под псевдонимом «Невидимка и К^о», озвучил это мнение таким образом:

«Гимназист уроки
Очень плохо знает,
Своего Тацита
Он под стол бросает.
Что ж тому причиной?
Знаете вы? Нет?
Ах, причина эта –
Он, велосипед!!

Юноша томится
Места не находит,
На часы все смотрит,

---

⁶⁷ Дачные отголоски // Казанский телеграф. - 1893. - 17 июня.

Дома тенью бродит...
Он влюблен? И рвется
На свиданье? Нет!
Он идет не с «нею»,
С ним – велосипед!»⁶⁸.

Важный момент в этом неприятии составляло нежелание видеть велосипед в привычном досуговом пространстве, в частности, в пространстве городских садов и парков. Это нежелание также аргументировалось опасностью велосипеда. «В настоящее время, - писал в разделе хроники местной газеты неизвестный корреспондент, - в Скобелевском (Лядском) садике ежедневно по вечерам можно наблюдать лавирующих между гуляющей по аллеям публикой велосипедистов, которые своим присутствием в саду наводят страх на гуляющих (...) Во избежание несчастных случаев с публикой лучше было бы запретить езду на велосипедах в общественных садах»⁶⁹. Две недели спустя городская управа вывесила объявление в самом популярном среди велосипедистов саду – Николаевском, в котором езда на велосипедах по средним дорожкам запрещалась, разрешалось ездить лишь вокруг сквера вдоль решетки – по периметру. На это недовольный хроникер казанской газеты в заметке с говорящим названием «Узда на велосипедистов» отозвался в том смысле, что не следовало делать и этого снисхождения, а следовало запретить езду в городских садах вообще, чтобы не мешать отдыху прогуливающимся казанцев⁷⁰. В данном случае, любители традиционной формы досуга – пеших прогулок в городских садах, - не желали делиться пространством с любителями новой формы досуга – прогулок на велосипедах. Так что стремление создать в Казани зимний и летний циклодромы в немалой степени было обусловлено и желанием создать новое «групповое» пространство, предназначенное только для нужд практикующих эту новую форму досуга и «сочувствовавших» им.

---

⁶⁸ Злоба дня // Казанский телеграф. - 1893. - 31 октября. Примечательно, что само слово «велосипед» автор писал неизменно закавыченным.

⁶⁹ Излюбленное место велосипедистов // Казанский телеграф. - 1893. - 29 августа.

⁷⁰ Узда на велосипедистов // Казанский телеграф. - 1893. - 14 сентября.

Таким образом, на протяжении рассматриваемого периода иерархичность и сегрегированность городского досугового пространства являлась его неотъемлемыми характеристиками. Нараставшие процессы гомогенизации и демократизации этого пространства протекали непросто и довольно противоречиво. Постепенное сближение моделей досугового времяпрепровождения различных городских слоев создавало условия для все более свободного и непринужденного пересечения границ досуговых пространств. Но, несмотря на размывание этих границ, они все же не перестали существовать. В немалой степени из-за того, что идея «своего» и «чужого» пространства была глубоко укоренена в ментальности горожанина. Иерархичность и сегрегированность городского досугового пространства привычно воспроизводилась горожанами даже в ситуации выхода за пределы этого пространства, например, в дачных поселках и других рекреационных зонах вокруг Казани. Иерархичность и сегрегированность досуговых пространств в немалой степени способствовали консервации множественности досуговых моделей, которые практиковались представителями различных городских слоев, несмотря на нараставшие тенденции сближения досуговых практик.